

Мария Евгеньевна Некрасова
Толстый – сыщик подводного царства
Серия «Толстый», книга 3

Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163433

Некрасова М. Толстый – сыщик подводного царства: Повесть: Эксмо-Пресс; М.; 2007

ISBN 978-5-699-23166-9

Аннотация

Кто бы мог подумать, что тихая старушка из деревни в Крыму на самом деле – сообщница преступной группировки?! Начинаящий оперативник Александр Уткин долго не может в это поверить. Но вот все за и против тщательно взвешены, и он под покровом ночи проникает в небольшой деревенский домик, логово браконьеров. Спускается в поисках улики в погреб и... щелк! – снаружи кто-то закрывает подземный тайник на задвижку. Юный супермен попадает в плен. Однако преступники рано обрадовались, ведь настоящие сыщики на случай самых безвыходных ситуаций всегда прячут в рукаве козырь... или верного крыса по кличке Толстый!

Ранее повесть выходила под названием «Толстый и банда морского царя».

Содержание

Глава I	4
Глава II	7
Глава III	10
Глава IV	13
Глава V	18
Глава VI	24
Глава VII	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Мария НЕКРАСОВА

ТОЛСТЫЙ И БАНДА МОРСКОГО ЦАРЯ

Глава I

Куда спрятать тело?

Он еще дышал. Тонкий видел, как медленно раскрывается и закрывается дыхало на макушке. Тем не менее перед ним был труп. Дельфин, залитый кровью пополам с морской водой, с помутневшими глазами и удивленно раскрытым ртом. Во рту белели редкие треугольные зубы. Бок дельфину как будто вилкой проткнули, накрутили на нее и бросили.

– Сань! Саня! – Это Ленка, сестра, бежит по пляжу навстречу Тонкому и трупу. Легкомысленная личность. – Сань, ты чего... – Ленка увидела дельфина, сделала техническую паузу, чтобы набрать воздуха. Сосредоточилась. Зажмурилась. Растопырила пальцы на руках. Приоткрыв один глаз, убедилась, что все в порядке: стойка классическая, лямки купальника не сбились.

И завизжала.

Хотя назвать этот акустический удар визгом – все равно что сказать о разорвавшейся гранате «хлопнула».

Через секунду Тонкому заложило уши. Через две высоко в небе крошечный самолетик повернул в сторону турецкой границы, торопясь покинуть воздушное пространство Украины. И наконец, примерно на пятой секунде, больно царапнув Тонкому голую спину, с его плеча сполз Толстый и укрылся за трупом дельфина. Крыса, она и в Крыму крыса. Никакого уважения к покойным. Странно еще, что Толстый не попробовал дельфина на зуб – он любит рыбу. (Того, что дельфин – не рыба, а млекопитающее, крысы знать не обязаны.)

Ленка, закончив выступление, как ни в чем не бывало присела на корточки и стала разглядывать дельфина:

– Его что, покусали?

– Подбили, – мрачно ответил Тонкий. – Острогой, похоже.

– Чем?

– Чем-то вроде копья.

– Так бы и сказал! – Ленка рассмотрела рану и не поверила: – Он сам, наверное, напоролся на камни. А то почему бы его подбили и бросили?

Тонкий пожал плечами:

– Может, он сорвался. Или оказался больной. Видишь, как Толстый реагирует?

Толстый обнюхивал труп и недовольно шипел. Он явно считал дельфина несъедобным. Верному крысу можно верить. Он как ищейка, только маленький. На его счету уже два раскрытых уголовных дела. И вот, кажется, нашлось третье. Тонкий, конечно, тоже будет ему помогать.

– Сань, это вроде незаконно – дельфинов бить, – наконец дошло до Ленки. – Надо позвать тетю Музу...

Тонкий вздохнул. Нет, Ленка – на редкость отсталая личность.

– Ну и что она сделает, тетя Муза? – хмыкнул он. – Это дома она старший оперуполномоченный, а здесь – иностранка отдыхающая. Здесь она даже браконьера арестовать не может. У нее прав столько же, сколько у нас с тобой.

Это была правда. Дома, в Москве, тетя Муза, гроза бандитов, вела расследования каждый день с девяти до шести. Иногда задерживалась, если Родина прикажет. Щелкала пре-

ступников как семечки, пока не получила законный отпуск. Тогда она приехала к племянникам и решительно заявила, что бабушке и деду пора от них отдохнуть. А поскольку мама с папой улетели в очередную командировку и сплавить Тонкого с Ленкой некому, так и быть, она, тетя Муза, возьмет их с собой в Крым.

– Не поможет нам тетя Муза, – вслух рассуждал Тонкий. – Прежде всего надо убрать труп с берега. Вдруг его унесет волной или он сам сгниет под солнцем раньше, чем мы найдем браконьеров? Он теперь – улика.

Но легко сказать: «Надо убрать труп». А куда? Единственным прохладным местом на берегу была тети-Музина сумка-холодильник, но дельфин туда не поместится.

– Может, зароем? – предложила Ленка. – Под землей прохладнее.

– У нас лопат нет, а руками будем копать до осени, – возразил Тонкий.

Дельфина оттащили в тенек, надеясь придумать что-нибудь попозже. Тем более что на горизонте уже появилась тетя Муза. Тонкий с Ленкой пошли ей навстречу, решив пока не показывать труп. Зачем беспокоить старшего оперуполномоченного, когда здесь, в Крыму, она опернеуполномочена? Ни тело на экспертизу послать, ни преступника взять на мушку – сплошное расстройство.

– На солнце жаритесь? – подскочила к ним тетя Муза. – Марш в море, вон, уже носы пообгорели!

А хороший приказ – «Марш в море!». Тонкий выполнял бы его с утра до вечера вместо «Делай уроки!», «Пей молоко!» (с пенкой. Бр-р!) и особенно «Ложись спать!». Толстый сидел у него на плече, и ему тоже пришлось искупаться. Оказавшись в воде, он стал смешно грести лапками и рулить хвостом. Тонкий смотрел на него и думал, что дельфин – такое же животное, как его верный крыс, ну, разве что немного красивее и чуточку умнее. И уж наверняка ему будет больно, когда в бок воткнется острога.

Метрах в двухстах от них плескались, перекрикиваясь, другие дельфины. Они вообще непугливые, потому что занесены в Красную книгу и на них никто не охотится. Разве что иногда отловят одного-двух для цирка или дельфинария, и то по особому разрешению. Что такое «браконьер», дельфины обычно не знают, особенно молодые. Поэтому они могут подпустить к себе человека на расстояние выстрела из подводного ружья и даже удара острогой.

Тонкий пообещал себе разобраться с браконьерами и нырнул, чтобы успокоиться. Не видно было ни черта: Ленка со своим собачьим стилем плавания замутила всю воду. Тонкий еле различал головастые тени бычков и пятна камней на дне. Вон проплыла, потрясая вуалеткой, маленькая медуза.

– Сашка! – Тетя Муза поймала его за трусы и перевернула головой вверх. – Сашка, нельзя столько времени крысу купать. Он не такой морж, как ты, еще простудится!

Тонкий отловил верного крыса, который уже успел подружиться с медузой и плыл на ее шапке, как на плоту.

– Нельзя так долго купаться – простудишься! – строго сказал он и понес Толстого на берег.

У крыса было на этот счет свое мнение. Оказавшись на суше, он зафыркал и стал тяжело дышать, по-собачьи высунув язык. Всем своим видом крыс показывал, что на берегу жарко и он не прочь искупаться еще. Тетя Муза увидела это и оценила:

– Перегрелся. Смастерили бы ему хоть панамку, что ли!

– Будет сделано, товарищ командир! – откликнулась на призыв Ленка и тихонько добавила: – А чего еще делать, телика нет, дискотек нет...

Увы, это была правда. Тетя отвергала все виды отдыха, кроме дикого. Между прочим, папа Тонкого и Ленки (и тети-Музин родной брат) хотел купить всем путевки в дом отдыха, где есть и телик, и дискотеки. Но нет, вредная тетя отказалась, заявив, что каждый культур-

ный человек должен уметь поставить палатку, развести костер – в общем, все то, чего ни Тонкий, ни Ленка до сих пор не умели.

Для обучения племянников дикому отдыху тетя Муза облюбовала заросший колючкой и редкими кустиками боярышника уступ на крутом берегу. Про себя Тонкий сразу назвал это скучное место Лысой горой, хотя оно и не дотягивало до такого звания. Это же только уступ, вроде гигантской ступеньки, вырубленной в обрыве. А над ним есть второй (Ничья гора) и третий – Подсолнуховая гора. Вот на этой третьей горе жили люди. Тонкий видел из окна машины поле подсолнухов и за ним – аккуратные белые домики то ли поселка, то ли деревни. А так вокруг ни одной живой души не наблюдалось: только Толстый, Тонкий, Ленка, тетя. Еще есть тетин расхлябанный «жигуленок», на котором они приехали, да палатка. Разбить палатку не успели, сразу побежали купаться.

И это еще неплохо! Тонкий считал, что ему повезло, все-таки поселок-деревня в километре, можно что-нибудь купить, а вечерами издали глядеть на электричество. Когда выбирали место для палатки, Ленка упрасивала тетю остановиться километрах в десяти отсюда, у маяка. Для романтики. А там, не считая романтического маяка, только дорога да те же подсолнухи. Хорошо, что тетя не романтик, а практик. Деревенское молоко, фрукты и, главное, близость пресной воды ее интересовали больше, чем сполохи маяка в ночном пейзаже. В конце концов остановились здесь. А маяк виден с Подсолнуховой горы и с моря, если немного отплыть от берега.

Дунул ветер, и Тонкому, не успевшему обсохнуть, сразу стало прохладно.

– Может, наконец лагерь разобьем? – предложил он.

Тетя Муза поскребла в затылке и решила:

– Хорошо. Мы с Леной займемся палаткой, а ты пойдешь в деревню за фруктами.

– Меня надуют, – честно предупредил Тонкий. – Я торговаться не умею и не знаю здешних цен.

– Покупать фрукты на юге – глупо, – веско сказала тетя. – В деревне живут старенькие бабушки с садами и огородами. Бабушки – не макаки вроде тебя, им трудно лазить по деревьям и собирать алычу. Придешь, предложишь свою помощь, тебе отсыплют за услуги.

Тонкий повернулся и пошел в гору.

– Куда без штанов?! – окликнула его тетя Муза. – В первый же день обгореть хочешь? И крысу оставь, бабулька испугается.

Да, каникулы в обществе тети Музы – не мед, пусть даже она и старший опернеуполномоченный.

Глава II

Договор аренды

Горы были не такими крутыми, как казалось снизу. Кроме того, в горах были протоптаны тропинки. Тонкий в два счета забрался на самую высокую и очутился в подсолнуховом поле. Подсолнухи были что надо: размером с детский зонтик, на толстых стеблях выше головы. Вспомнился мультфильм про тигренка на подсолнухе. Тонкий раньше думал, что это так, выдумки, а нет – на таком подсолнухе вполне мог бы поместиться маленький худенький тигренок. А еще за зарослями ничего не было видно.

Тонкий продирался сквозь них, стараясь держать направление. Вперед и вперед. Солнце жгло даже сквозь большие подсолнуховые шляпы, и на пятой минуте мальчик был зажарен и готов к употреблению. «Сейчас еще на дерево лезть, – уныло подумал Тонкий. – Если не свалюсь, это будет чудо». Через полчаса подсолнухи кончились, и его взору предстала деревня.

На первом плане гордо возлежали коровы и козел. Они спасались от жары в луже и поэтому все были одного цвета – маренго. Коровы лежали спокойно, бултыхая в грязи носами. А козел, видимо, выполнял роль пастушьей собаки, которая охраняет стадо от волков и жареных мальчиков. Увидев чужака, он выскочил из лужи, по-собачьи отряхнулся, обдав брызгами охраняемых, выставил вперед немаленькие рога и двинулся на Тонкого.

Шел он медленно, и у Сашки было добрых тридцать секунд, чтобы сообразить, как себя вести с рогатым пастухом. «В конце концов, козел – не бык, – рассуждал Тонкий. – Он маленький и легкий. Если поймать его за рога, как в кино, то ничего он мне не сделает». Не дожидаясь, пока противник подойдет, Тонкий первым шагнул к козлу, спокойно взял его за рога и повел.

– М-ме? – спросил козел, упираясь.

– Сейчас дойдем до того дома, спрошу, чей ты, и отведу тебя домой, – ответил Тонкий. – Нефига бросаться на мирных граждан!

Козлу домой не хотелось. Он выворачивался, блеял и пытался пнуть врага игрушечными копытцами. Тонкий уворачивался. До ближайшего домика грязно-белого цвета, с окном, явно спертым из вагона электрички, оставалось не больше десяти шагов. На восьмом козел вывернулся и с победным: «Мээ!» – больно пнул Сашку рогами пониже спины. Тонкий охнул и резво перемахнул через полутораметровый забор, отделяющий домик от внешнего мира. Козел, как порядочный, вошел в калитку и набросился на Сашку. Тонкий попытался схватить его за рога, не успел и получил рогами в живот. А козел отскочил в сторону, чтобы разбежаться для следующего броска.

– Росинант! – откуда-то из-под земли послышался старушечий голос. – Рога пообломаю, скотина!

Козел, нервно покосившись в сторону дома, на цыпочках укывлял прятаться за низкую косматую алычу. Из дома послышалась возня, и на пороге возникла маленькая старушка с огромной скалкой в руке.

– Росинант! – рывкнула она, не обращая внимания на Тонкого. – Росинант! Тебе с коровами велено быть, да? Чего ты тут хулиганничаешь?! – И она уверенно направилась в сторону алычи, размахивая скалкой.

Поняв, что его засекли, козел выскочил из укрытия и, отчаянно блея, побежал назад, к коровам. Старушка погрозила ему вслед скалкой:

– К коровам иди, домой не суйся! – Обернувшись, она наконец заметила Тонкого. – А тебе чего, молока, да?

Тонкий объяснил, чего ему надо, и у старушки сразу поднялось настроение:

– А, помощнички из Москвы приехали! А я уж думала, пропал урожай! Внук по заграницам теперь отдыхает, и помочь некому Зое Карапетовне.

– Кому? – переспросил Тонкий.

– Мне, кому еще! Зоя Карапетовна я! А тебя как звать?

– Саша.

– Лезай на дерево, Саша-джан. Я те ведра принесу, да?

Тонкий по-обезьяньи вспрыгнул на ближайшую алычу и удобно устроился верхом на ветке. Листья дерева надежно закрывали его от солнца, так что, выходит, зря он боялся. Поданное старушкой ведро он повесил на сучок и стал бодренько срывать упитанные желтые алычины. Станные у них имена – и у козла, и у бабульки. Надо же додуматься, назвать козла Росинантом в честь коня Дон Кихота. Хотя «росинант» – значит «кляча»... Ну, допустим. А у бабульки что за имя? Зоя Ка-ра-пет... Украинское, что ли?

Алычи было много. Тонкий набрал ведра три, освободив от ягод всего одну ветку. Правда, самую толстую, что утешало. За работой Тонкий не заметил, как начало смеркаться. Когда он опустошил наконец одно дерево, было уже почти темно. Тонкий слез и полюбовался длинным рядом ведер с желтыми ягодами.

– Куда нести?! – крикнул он, не решаясь назвать старушку по имени: вдруг перевернет?

– В дом занеси, да? – последовал ответ.

Тонкий прилежно потащил ведра в дом. Споткнулся на подгнившем крыльце, миновал сени с длинной шеренгой резиновых сапог и оленьими рогами на стене и попал на кухню. Большая грязная печка уходила трубой в потолок, на столе, как матрешки, стояли чугунки всевозможных форм и размеров. Бабульки не было.

– Сюда давай, – раздался голос из-под земли.

Тонкий огляделся:

– Вы где?

– Да здесь же, в подполе, да? – ответила бабулька со странным именем. – Давай сюда, Саша-джан.

Тонкий увидел люк в полу и торчащие оттуда руки.

– Не на жаре же хранить, да? – объяснила старушка. – А тут прохладно.

Тонкий аккуратно подал ведра ей в руки. «Прохладно? Вот куда я спрячу труп!»

– А он у вас большой? – осторожно спросил Тонкий.

– Большой, – гулко прозвучало из подпола. – Все бабы местные влезли бы. Только не полезут. Холодно, да? – И она гулко захохотала, как Фредди Крюггер из ужастика.

– Да мне не прятаться, – промямлил Тонкий.

– Арендовать хочешь? – поняла бабка. – Это пожалста: вот прополешь мне завтра огород, и храни хоть корову до конца лета. Ты ж, поди, дикарем приехал – ни холодильника, ни подпола?

Тонкий радостно закивал, не соображая, что бабушке из подпола не видно. Но та догадалась:

– Договор, да?

– Будет сделано! – рявкнул Тонкий.

– Ну и хорошо, да?

У калитки бабулька вручила ему честно заработанное ведро алычи («Тару завтра зане-сешь»), распрощалась и стала звать козла:

– Росинант! Давай домой, да? Спать пора.

Тонкий неторопливо брел к своим, разгребая подсолнухи свободной рукой. Первый день в Крыму! За этот день он успел обнаружить следы браконьеров, найти место для хра-

нения ценной улики и еще здорово обгореть. Хотя солнце давно скрылось, плечи жгло, как горчичиками. Но это мелочь. Завтра с утра он прополет огород и получит место в подполе. Только дельфина до этого времени может спалить солнце, и ценная улика будет потеряна. Тонкий решил сперва спуститься к морю и хоть ветками дельфина прикрыть, а потом уже возвращаться к Ленке с тетей Музой.

Сказано – сделано. Бежать с горы в сто раз проще, чем в гору. Тонкий за пятнадцать минут добежал до берега, нашел место, где лежал дельфин...

Сперва ему показалось, что он заблудился: морской берег везде одинаковый – песок да камни. Но когда на глаза попала забытая Ленкой бейсболка, сомнений не осталось.

ДЕЛЬФИНА НЕ БЫЛО.

Глава III

Наглые ежики

«Может, его волной унесло?» – размышлял Тонкий. Однако больших волн днем не наблюдалось, и сейчас море тихое. Они с Ленкой специально оттащили дельфина подальше от воды. Нет, господа, это не волны. Труп кто-то унес. Иного объяснения быть не могло. Кто? Ясен пень, браконьеры. От улики избавились. Дельфин, судя по всему, больной. Они сначала не разобрались, а когда его подстрелили и рассмотрели, то бросили беднягу в море. Наверное, погнались за другими. А после вернулись за ним, чтобы не оставлять следов... Кстати, следы все равно остались. Следы волочения тела – вот они, пожалуйста, ведут к морю. Значит, дельфина увезли в лодке.

Тонкий опустил на четвереньки. Да, все так. Только рядом обнаружили еще следы шин. Значит, дельфина увезли на машине?

– Сашка! Саш! – Ленка выскочила, как из-под земли, и сразу кинулась к ягодам. – Желтенькие! – Она загребла полную горсть и похвасталась с набитым ртом: – А мы мешто клашное нашли в тенешке. Захащаешься!

– А тетя где? – спросил Тонкий.

– За пресной водой поехала. – Сестра махнула рукой куда-то на горы. – Вот-вот вернуться должна... А ты здесь чего?купаешься без спроса? Типа крутой? Пошли, пока тетя Муза не засекала!

– погоди, тут следы! – попытался объяснить Тонкий, но сестра решительно вцепилась ему в руку.

– Иди уж, следопыт! А то знаешь, что тетя нам устроит?

– Знаю. Шаг вправо, шаг влево считается за побег, прыжок на месте – провокация, – вздохнул Тонкий и подхватил ведро с алычой.

– Покажу, как мы устроились, – сразу успокоившись, заурчала Ленка и потащила его с берега.

Тонкий с сожалением оглянулся на следы. Море еле плескалось, высоких волн не было. Надо вернуться сюда поздно ночью, когда Ленка с тетей Музой уснут. Следы не должно смыть к тому времени.

Тетя с Ленкой поставили палатку под тремя низкими, но густыми деревьями, торчавшими в середине Лысой горы. Тени от них вполне хватало, чтобы прогуливаться в радиусе полутора метров от палатки, не боясь получить солнечный удар. Чуть дальше, уже у подножия Ничьей горы, тянулась полоса не то шиповника, не то каких-то других, не менее колючих, кустов. С другой стороны был обрыв, а под ним – море.

Ленка первая нырнула в палатку и посветила фонариком, чтобы Тонкому лучше было видно, как они устроились.

– Смотри!

Он посмотрел. Из палатки выскочил верный крыс в щегольской черной кепке, с резиной под подбородком. Если бы Толстый был чуть постройнее, он бы смахивал на маленького жокея. Кажется, Ленка тоже так считала:

– А лошадю будешь ты! – Она ткнула брата в бок и спряталась в палатке.

Тонкий юркнул за ней. Первым делом он отвесил сестренке подзатыльник за «лошадь», а потом огляделся. Палатка была большая, свободно разместится человек пять, а если они не будут брыкаться, то в ноги можно положить и шестого. Себе Ленка с тетей постелили в одном углу, Сашке – в противоположном. Между матрасами еще оставалась куча места

для всякого хлама, и Ленка им воспользовалась по полной программе: там уже образовалась приличная перегородка из Ленкиной одежды, котелков и большого мехового жирафа, которого сестренка притащила с собой из Москвы. Жирафа подарила Тонкому одна художница, а Ленка у него отобрала, сказав, что Сашка уже вышел из того возраста, когда играют в игрушки. Тоже, маленькая нашлась, Тонкий старше ее всего-то на год!..

По стенкам палатки мелькнул свет фар. Тетя Муза вернулась. Тонкий первым выполз на волю и увидел тети-Музины кеды. Один просил каши. Он повернулся к Тонкому и сказал: – Пришел? Молодец. Пойдем разводить костер.

Самым трудным оказалось найти «горючее». Гора, как уже говорилось, была почти лысой, и за сухими ветками пришлось лезть в непролазные кусты. Тонкий исцарапал себе колючками руки, ноги и даже спину. Добытой кучки хвороста должно было хватить, как считала тетя, минут на пятнадцать. Чертыхаясь, Сашка опять полез в дебри и на этот раз притащил целый колючий куст, вывороченный ветром. Куст обошелся ему в еще десяток царапин и порванную футболку, зато тетя успокоилась и решила, что больше «горючего» не надо.

Несколько толстых полешков она поставила шалашиком, в середину напихала тонких веток и сухой травы. Поднесла огонек, и прожаренное на южном солнце сено вспыхнуло, как порох.

– Так-то вот! – похвалилась тетя. – Я еще в пионерках прикуривала с одной спички!

– И напивалась с одной рюмки! – добавила Ленка. Чувство юмора у нее просыпалось нечасто, зато вовремя. Тонкий захихикал в кулак.

– Это почему? – оторопела тетя. – Да я, если хотите знать...

Тут до нее дошло, что не обо всех славных делах пионерии стоит рассказывать племянникам.

– Я в хорошем смысле прикуривала, – сказала она, не объяснив, что это значит.

По правде говоря, грозная оперуполномоченная боялась племянников гораздо больше, чем преступников. У тети Музы не было своих детей. Она не знала, как вести себя с Тонким и Ленкой.

Костер горел, тетя Муза вешала над ним котелок, Ленка устанавливала вокруг складные табуретки, Толстый копошился где-то у палатки, а Тонкий ждал, когда они наконец лягут спать. Надо было спуститься к морю, хорошенько рассмотреть следы. На лодке увезли дельфина или на машине? Если на лодке, то его не найти, на воде-то следов не остается. Если на машине... Он возьмет фонарик и будет идти по следам шин. Может быть, долго, может быть, до утра...

– Саня! – позвала тетя Муза. – Иди присядь, в ногах правды нет.

Тонкий мысленно с ней согласился. Идти по следам машины он будет ногами, и не факт, что узнает правду: куда увезли дельфина? Машина ведь может свернуть с песка на траву, а там следов почти не видно. Да еще ночью.

Он подошел и сел рядом с Ленкой. Ножки складного табурета нагрелись от костра, так что голыми ногами к ним лучше было не прислоняться. Тетя Муза насыпала в котелок суп из пакетика. Мимо шмыгнула тень.

– Ежик! – взвизгнула Ленка и помчалась на охоту. Тонкий не спеша побрел следом.

Ленка с ежом обнаружили у машины. Под колесом валялся открытый рюкзак с едой (тетя Муза в нем копалась и не закрыла). В рюкзаке сидел ежик и, не обращая внимания на Ленку, спокойно уписывал батон.

– Тут, наверное, часто бывают туристы, вот ежи и обнаглели, – понял Тонкий. – Смотри, он оставит нас без завтрака, придется с утра в город переться.

– Не оставит, – оптимистично заявила Ленка. – Он такой маленький, ему за всю жизнь не съесть все, что в рюкзаке! – Только она так сказала, как из непролазных кустов показалась еще шеренга маленьких теней и потопала к рюкзаку.

– Ежиха с ежатами! – умильно запищала Ленка.

Оказалось, она права: впереди шел большой упитанный еж, за ним – три поменьше. Вразвалочку они прошествовали к рюкзаку. Последний задел Тонкого иголкой, повернулся, фыркнул в Сашкину сторону: «Чего мешаешься?!» – и галопом побежал к своим. Все семейство залезло в рюкзак, по-приятельски обнюхало первого ежа и принялось дружно чавкать.

Тонкий смотрел, разинув рот, – ни фиги себе наглость!

– Интересно, сколько всего ежей на нашей горе? – мечтательно спросила Ленка.

Тонкий прикинул: гора большая, ежи маленькие, штук сто разместится спокойно, а если они живут тесными стаями – то, конечно, больше.

– Господа, ужин подан, – позвала тетя Муза.

Пришлось отвлечься от ежей и плестись к костру. Ленка побежала вперед:

– Теть Муз, там ежики!

Тетя хмыкнула и подставила Ленке складной табурет.

– Там ежики, здесь – суп, я предпочитаю начинать с первого, – спокойно заметила она и вручила племянникам ложки. – Лопайте – и спать. Хватит за день впечатлений.

Тонкий не стал спорить, впечатлений за этот день ему хватило выше крыши. Он быстро поел и первым нырнул в палатку. Заботливая Ленка уже приготовила брату спальник и матрас. Тонкий плюхнулся с размаху и...

Бум! Хруп! Ой-й!

Под затылком что-то хрустнуло. И голова, кажется, тоже. Тонкий приподнял спальник и увидел... Сперва он решил, что это Ленка подложила ему орехов, чтобы расколоть их башкой горячо любимого брата. Под спальником и вправду лежали какие-то скорлупки, но странной формы и необычного цвета – белые в серо-голубую полоску. Тут вдруг к «орехам» подскочил Толстый в своей жокейской кепке и в момент перетаскал их куда-то в ноги хозяину.

– Улитки виноградные, – вслух подумал Тонкий.

– Сам такой, – обиделась возникшая в проходе Ленкина голова.

– Толстый наложил мне под спальник виноградных улиток, – объяснил ей Тонкий, – а я их головой расколол.

Ленка хохотнула:

– А ты чего хотел?! Крыс-то твой недавно из Франции, вот и пристрастился к тамошней кухне!

В подтверждение Ленкиных слов Толстый громко зачавкал в ногах.

Глава IV

Глупые взрослые

Цикады стрекотали так громко, что Тонкий испугался: разбудят они тетю Музу, та увидит, что племянника нет, отыщет его, вернет и даст по шее. А следы браконьеров смоем волна.

С этими веселыми мыслями он летел с горы к морю. Луч фонарика убегал из-под ног. Тонкий не успевал разглядеть мелкие камушки и колючие кустики бессмертника. Он то и дело спотыкался, резал босые ноги, чертыхался и продолжал свой путь. Море было спокойным, хотя тетя Муза рассказывала, что по ночам здесь бывают страшные штормы. Тонкий подозревал, что она просто не хочет, чтобы племянники убегали ночью купаться без нее, вот и пугает. Он посветил на море. Оно было зеленое в свете фонарика, с белыми блестками, почти ровное, если не считать малюсеньких волн, которых и Толстый не испугался бы. Тетя явно преувеличивала.

Следы шин сохранились прекрасно. Тонкий опустился на четвереньки. Ага, ясно: вот рисунок «елочкой» показывает на него, потом на гору, потом разворачивается и убегает откуда пришел. То есть машина приезжала специально за дельфином. Подъехала, забрала, развернулась и укатила в обратном направлении.

По ногам плеснуло. Тонкий глянул на море – волны были уже не такими маленькими, как минуту назад, они выросли до полуметровой высоты. Не шторм, но поторопиться стоит, если не хочешь, чтобы следы размыло у тебя перед носом. Он пригнулся и побежал вдоль «елочки».

Метров двести машина шла прямо. Еще бы, свернуть ей было некуда: слева море, справа – гора. Но скоро Тонкий увидел широкую песчаную дорогу в гору. Следы вели туда. Он пробежал еще несколько метров и пошел тише. Здесь, на подъеме, волны его уже не достанут. Следы целехоньки, и можно не спешить.

Прекрасна жизнь ночного Крыма! Шумят волны, серебрясь и поблескивая брызгами, стрекочут цикады. Вон пробежал, фыркая, ежик, а совсем рядом по траве прошуршала змея. Тонкий притормозил. Следы вели на траву, как раз туда, где змея. Ее лучше пропустить. Кто знает, гадюка она или безобидный желтопузик. «Прежде чем наступить в темноте на змею, спроси: «Кто ты?» – вспомнил Тонкий тети-Музину лекцию по технике безопасности в Крыму. В дороге у нее было достаточно времени, чтобы рассказать племянникам и про змей, и про ежей, и про то, что не стоит хлебать соленую воду из моря.

Змея уползла, не представившись. Тонкий шагнул на траву... И стал думать, нет ли отсюда более короткой дороги до родной палатки. Море уже бушевало вовсю, а следов нигде не наблюдалось. Примятая шинами трава поднялась и скрыла следы преступников.

Тонкий опустился на корточки и поковырял землю. Рыжеватая в свете фонарика земля была теплая и влажная от росы. Потерял след начинающий оперативник Александр Уткин. Ищи теперь ветра в поле. Море большое, да и берег немаленький, не факт, что Тонкому посчастливится увидеть еще раз браконьеров или хотя бы их следы. Если, конечно, браконьеры вдруг сами не возникнут перед его носом, да еще не окликнут:

– Эй, пацан!

Тонкий поднял голову. Метрах в пятидесяти от него двое надували лодку. Ну точно, браконьеры! Кому еще придет в голову отправляться на водную прогулку ночью! На заднем плане горел костер, и рыжела в его свете маленькая палатка. Один из двоих поднялся и махнул Тонкому:

– Пацан! Подсоби!

Тонкий встал, но навстречу браконьерам не торопился. Вдруг они поняли, что он идет за ними по следам?! Тогда хана оперативнику Александру Уткину: утопят в море и фамилии не спросят. Но как велик соблазн помочь преступникам надуть лодку, набиться в приятели, втереться в доверие и потихоньку вывести их на чистую воду!

– Ты что, уснул?! – крикнул браконьер.

«Умрем или победим», – решил Тонкий и зашагал к мужикам.

Двое явно собирались рыбачить, в надутой лодке были аккуратно сложены удочки, гарпун... У Сашки перехватило дыхание: точно, они! Интересно, куда они спрятали труп дельфина? И куда обычно прячут трупы свидетелей?

Надутую снаряженную лодку браконьеры пытались затащить на крышу черной «шестерки», и, само собой, вдвоем у них ничего не получалось. Лодка большая, человек на десять, «шестерка» – маленькая. Вообще, до моря двести метров, эти лентяи вполне могли перетащить лодку и на руках... Точно, его раскусили! А лодка – только повод, чтобы подманить поближе нежелательного свидетеля.

Оба браконьера были лысые, только у одного лысина блестела в лунном свете, у другого на макушке пушился «ежик». Значит, первый старше. Оба в камуфляже и высоких сапогах. А лиц в темноте почти не видно, так что различить их можно только по лысынам.

– Ты чего ночью один гуляешь? – спросил Полированная Лысина. – Потерял что?

– Крысу, – быстро соврал Тонкий. – Привез из Москвы позагорать, а она убежала.

– Бывает, – кивнул Ежик. – У меня так две кошки пропало: привез на дачу и больше не увидел.

Тонкий не стал спорить: кошки так кошки.

– Полежай на капот. – Полированная Лысина решил не тратить времени на разговоры. – Лодку примешь.

Тонкий вспрыгнул на капот. Капот был холодный. Правильно: труп увезли самое меньшее три часа назад, за это время капот «шестерки», проехавшей четыреста метров, сто раз остынет.

Лысые подняли лодку, раскатали и (ой!) швырнули в Тонкого. Борта лодки были снабжены матерчатыми ремешками неизвестного предназначения. Тонкий успел схватить один и, почти не чертыхаясь, втащил-таки лодку на крышу.

– Отлично! – одобрительно крикнул Ежик. – Теперь на, привяжи. – И бросил веревку с карабинами. Тонкий быстро справился, привязывать – не ловить тяжести на лету. Через минуту лодка была готова к транспортировке.

Ежик по-свойски стянул Сашку с капота за штаны и больно хлопнул по спине:

– Ну что, крысотерятель, поехали браконьерничать?!

Цикады стрекотали громко, так громко, что Ежик не слышал, как шумно сглотнул начинающий оперативник Александр Уткин. Раскусили! Топить хотят! А от Ежика к тому же еще пахнет водкой, так что, может, его и до моря не довезут, пьяные-то водители (обнюхать Полированную Лысину Тонкий не успел, но по скромному опыту знал, что два приятеля-сообщника редко напиваются поодиночке).

Бежать? Глупо, по некрутым горам на машине враз догонят. Кричать – еще глупее, тетя Муза с Ленкой все равно не услышат, а больше здесь никого и нету в радиусе одного километра.

«Спокойствие, только спокойствие, – думал начинающий оперативник, пытаясь унять дрожь в коленках. – В твои планы входило втереться в доверие к преступникам, чтобы вывести их на чистую воду. Так дерзай! Путь открыт. А вот когда тебя начнут топить, тогда и будешь волноваться и думать, что делать дальше».

Не ожидая от себя такой наглости, Тонкий крикнул:

– Поехали! – И так хлопнул Ежика по спине, что тот начал икать.

Доехали в минуту. Ежик, даром что пьяный, ловко объезжал даже маленькие кустики бессмертника, в которые побоялась бы врезаться разве что улитка на роликах, да и то не очень крупная.

Колеса шаркнули по мокрому песку и... Тонкий представил себе, как будет рыбачить в этом море на резиновой лодке. Вышло что-то похожее на аттракцион «американские горки»: тебя несет вперед с бешеной скоростью, бросает вверх-вниз, и в заключение – «мертвая петля». Бррр! А ведь Тонкий был у моря всего-то пятнадцать минут назад, и тогда еще вполне можно было и рыбачить, и купаться. Теперь же волны поднимались выше чем на полтора метра и уже цепляли машину за колеса. Тонкий увидел в свете фар, как самая нахальная длинная волна слизнула вечерние следы шин. Жаль. Может, он успел бы сравнить их со следами «шестерки» перед тем, как они все вместе погибнут здесь смертью дураков.

– Чего приуныл, растеряша?! – толкнул Тонкого Ежик. – Шагом марш на капот! Щас такой рыбы наловим!

Тонкий представил себе рыбку, которой вздумается покормиться в такую погоду. Касатка, не меньше! «Ну да, – заметил он про себя, – а ты думал, браконьеры бычков ловят?»

Море шумело, как Манежная площадь в День города. Не соображая, что делает, Тонкий вспрыгнул на капот, отвязал ненадежную резиновую лодку («Ну, точно, утопить хотят!»), сбросил ее на лысины. Тот, что полированная, уже разделся, пристроив одежду за камушком. Он ухватил тряпочный ремешок и поволок лодку на верную гибель. Ежик толкал сзади, на ходу выпрыгивая из штанов. Тонкий стоял на капоте и смотрел. Хотелось бежать и на весь Крым орать: «Мама!» Нет, лучше в Москву к бабушке. Мама в командировке, в Лондоне, до нее так просто не добежишь.

Волны били по ногам Полированную Лысину. Он спотыкался, но терпел. Ежик счастливо хохотал, Тонкий смотрел и пытался делать выводы. А топить его сегодня не будут, почти наверняка. Захотели бы утопить – посадили бы в лодку или впрягли бы первым на место Полированной Лысины. А они... Да забыли они про него, что ли? Значит, это не браконьеры. А кто? И почему Ежик сказал: «Поехали браконьерничать?» «По приколу сказал, – ответил сам себе Тонкий. – Если бы и впрямь хотел заняться чем-нибудь незаконным, уж не стал бы об этом трепаться».

Лысины уже загрузились в лодку и только тогда вспомнили о Тонком:

– Пацан! Ты идешь?!

И Тонкий пошел. Вернее, поплыл догонять лодку, чтобы порыбачить с безобидными и бесшабашными Лысины. Зачем? Он и сам не понял. Должно быть, ему было обидно, что зря потерял время. А так хоть рыбку поймает – уже польза.

Лодку не швыряло, но покачивало ощутимо, так, что передвигаться по ней можно было только на четвереньках. На двух точках не удержишься. Лысины и в самом деле собрались ловить бычков, только называли их по-деревенски: ротаны. Ежик отщипывал от батона, насаживал хлеб на крючок, даже не скатывая шарика, и забрасывал в бушующее море.

– Ротаны такие прожорливые, – объяснял он Тонкому, – можно не скатывать, можно вообще без хлеба ловить или без крючка – они все хватают, что попадется. Вцепляются намертво. Палец в воду сунь – и поймаешь.

Тонкий решил, что он шутит, но все-таки потихоньку, за спиной сунул в воду палец. Бычок, само собой, не клевал, а Ежик продолжал свой правдивый рассказ:

– Я однажды на червя поймал. Червяк вот такой (он показал мизинец), а ротанчик вот такусенький клюнул (показал ноготь). Даже на крючок не насадился. Пасть разинул во всю ширь, вцепился в червяка и держит. Вот так, брат, ротанов ловят!

– Жадность фраера сгубила, – авторитетно добавил Полированная Лысина. Он греб маленькими веслами, предоставив рыбалку Ежику с Тонким. Сашке была выдана бамбуковая удочка и полбатона.

– А на мелководе вообще просто, – продолжал Ежик, – берешь трубу, хоть выхлопную (он кивнул на «шестерку»), старую, конечно. Кладешь на дно и ждешь. Ротан туда заплывает, ты его – хлоп! Закрыл трубу с двух сторон ладонями и вытащил.

Тонкий аккуратно скатал шарик из хлеба, насадил и забросил. Кого можно поймать при таких волнах (одна плеснула в лодку, намочив ему колени)? Неужели взрослые бывают такими глупыми? Тонкий посмотрел на Ежика. Не такой уж он и взрослый, старше Тонкого лет на пять, а может, и меньше. Но Полированная Лысина – ровесник тети Музы. Уж он-то должен понимать!

Еще одна волна хлестнула, на этот раз Ежику по носу, оставив в лодке ведро соленой воды. Надвигался настоящий шторм. Ежик отмахнулся, фыркнул и тут же получил очередь из волн в затылок, в бок и опять в нос. Волны приходили с одной стороны, просто Ежик вертелся.

– Сворачивайтесь! – рявкнул Полированная Лысина, но было поздно. Огромная, навесное, с башенный кран, волна накрыла резиновую лодку с глупыми взрослыми и начинающим оперативником.

Стало еще темнее. Тонкий потерял опору под ногами и через секунду понял, что не может вдохнуть. Вверху, внизу, справа, слева была вода.

Море шумело в ушах, и ничего больше не было слышно. Тонкий барахтался и кувырлся, как космонавт в невесомости.

«Вот наступит осень, – меланхолично думал он, – все придут в школу и начнут хвастаться, кто как провел лето. Федоров с Фоминым наверняка сейчас в деревне у федоровской бабушки. Опять будут врать, как вдвоем ходили на медведя с кухонным ножом. Им, конечно, не поверят, но выслушают с удовольствием. Зомби собирался в Грецию, ему тоже будет что рассказать. А начинающий оперативник Александр Уткин не расскажет, как поймал браконьеров, потому что его просто не будет на свете... Нет уж, фиг!»

Тонкий вытянулся струной и поплыл наверх! Или вниз... или в сторону... Везде было одинаково темно, как определить, где верх, а где низ? «Выдохни и посмотри, куда пойдут пузыри», – вспомнил он тети-Музину дорожную лекцию. Выдохнул. Поплыл за пузырями и... Получил пинка! Не может быть! Тонкий оглянулся – сзади маячили темные силуэты ног. Ну да, он же не один упал. А где ноги, там, значит, верх...

Тонкий вынырнул, глотнул воздуха, и набежавшая волна отвесила ему тяжелую оплеуху. Шторм не прекращался. Ежик барахтался рядом, рассеянно оглядываясь и отплеиваясь.

– Пацан? – спросил он, когда голова Тонкого снова показалась над водой. – А где Игорь?

Тонкий успел сообразить, что Игорем зовут Полированную Лысину и что во-он там сверкнуло нечто слишком крупное даже для крымской звезды и слишком тусклое для маяка.

Начинающий оперативник Александр Уткин – отличный пловец. С этим не спорит даже тетя Муза, оперативник со стажем. Тонкий набрал побольше воздуха, еще разок получил волной по башке и поплыл спасать Полированную Лысину.

Десять метров – понятие относительное. Если, к примеру, ты проснулся с утра и слышишь, как бежит по коридору сестренка, собираясь первой оккупировать ванную, – десять метров ты преодолешь за секунду, а через минуту, плескаясь под душем, уже не вспомнишь, как ты их преодолевал. А если ты в штормящем море, и в десяти метрах от тебя тонет человек... Тонкий плыл, наверное, час. Он проплывал метр, а волна относила его на два – обратно. Ежик бултыхался сзади, пытаясь отловить лодку. Судя по доносившимся до Тонкого репликам, у Ежика ничего не получалось.

Волны издевались над ним, как хотели. Одна подкатывала Игоря прямо Сашке в руки, другая – тут же относил его назад. Тонкий совсем измучился. К тому же Полированная Лысина не сильно-то рвался к своему спасителю. Он распластался на воде, и, не делая никаких движений, болтался на волнах, как медуза.

Тонкий чувствовал, что выбивается из сил. Соленая вода щипала ноздри. Почему люди не дышат, как рыбы?

– Пацан! Ты где, пацан?! – кричал Ежик, но Тонкий уже плохо слышал.

Глава V

Бабушка и внуки

– Ну, ты нас напугал, – тараторил Ежик, подавая Тонкому обжигающую железную кружку. – Ты что, плавать не умеешь?

Тонкий возмущенно хрюкнул, брызнув на Игоря горячим чаем, но смолчал. Говорить было трудно: при каждом звуке к горлу подкатывала соленая вода и шибала в нос. Здорово он наглотался! Интересно, как Ежику удалось вытащить их двоих да еще и лодку (вон она, лежит у машины, целехонька)? И который час? Не проснулась ли уже тетя Муза?

– Тебя Игорек вытащил, – ответил Ежик на незаданный вопрос. – И меня, и лодку. Он у нас мастер спорта!

Тонкий опять фыркнул: ничего себе мастер! Болтался на волнах, как щепка! Или, может, так и надо вести себя в шторм?

Игорь снял с палки над костром Сашкины джинсы:

– Надень, высохли.

Тонкий надел. Джинсы обжигали, но после такой ванны с морской солью горяченькие штаны – как раз то, что надо. Глотнул чаю, протер глаза, слезящиеся то ли от костра, то ли от морской соли, и выдавил:

– Спасибо, что вытащили. А я думал, вы тонете.

Ежик хохотнул:

– Не шути так с Игорем. Обидится! Как тебя зовут-то хоть?

– Саша...

– А меня Иван. – Он помолчал и добавил: – Вот и познакомились.

Тонкий летел к своим, как на пожар: уже рассвело, вот-вот тетя Муза проснется, повернет голову – а племянника-то и нету! Что она подумает? Что племянник смотался пешком в Москву или...

– С утра гуляешь? Похвально! – послышался за спиной бодренький тетин голос. – А сестренка твоя все дрыхнет. Пошли ее будить.

У Сашки вырвался вздох облегчения: хоть от тети неприятностей не будет. Она вообще-то добрая, когда в хорошем настроении. Даже не отругала...

Тетя Муза не торопясь брела в сторону лагеря, срывая на ходу кустики бессмертника.

– А ежики слопали всю еду, только суп в пакетиках остался, – продолжала она, окинув Тонкого тяжелым взглядом учителя физкультуры. – Придется тебе опять идти в деревню, алычу собирать.

Если бы Тонкий не боялся выдать себя, он бы застонал, завыл в голос: «За что?! После ночи в море – день на дереве! Дайте человеку отоспаться на твердой земле!» Но тете же не расскажешь, где ты был ночью. Он стиснул зубы и кивнул.

Будить родную сестру – дело нелегкое и опасное. Ленка такая: начнешь будить – проснется, даст по шее и опять уснет. С тетей Музой она так и поступила, спросонья приняв ее за брата, и была наказана. Тетя – это вам не брат и даже не бабушка. Ей нетрудно вытащить вас из палатки вместе со спальником и оставить на уже припекающем солнце.

Тонкий смотрел и думал, что еще неизвестно, кому повезло больше: Ленке, потому что удалось поспать этой ночью, или ему, потому что ей удалось провести одно утро без тети-Музиной побудки.

Вытянутая из палатки Ленка ойкнула, перевернулась на бок, проворчала что-то о гестаповцах и опять уснула. Ей по барабану, где спать, лишь бы нашлась ровная поверхность. Тетя Муза пожала плечами и повела Тонкого умываться.

Она поливала ему на руки из канистры с пресной водой, Тонкий умывался, отфыркиваясь, а Ленка дрыхла. Потом Тонкий поливал, тетя умывалась, а Ленка дрыхла. Потом тетя развела костер, чтобы приготовить уцелевший суп из пакетиков, и только тогда, не повышая голоса, сказала:

– Лена, там ежики не твою ли шашку потащили?

Тут придется сделать отступление. Шашка у Ленки была не та, которыми играют, и не та, которой рубают на скаку, а дымовая. Давным-давно тетя Муза притащила ее с военных сборов, где получала звание лейтенанта запаса. Вся семья знала историю, как на маневрах она потеряла спички и не смогла поджечь фитиль шашки, чтобы устроить дымовую завесу. Из-за этого тети-Музин взвод условно уничтожили и отправили на отдых, пока остальные рыли окопы. С тех пор стоило тете взять сигарету, как со всех сторон ей услужливо протягивали спички и почему-то хихикали. А под конец сборов объяснили, что шашку вообще не надо поджигать. Воспламенитель у нее внутри. Достаточно дернуть за веревочку, которую тетя принимала за фитиль, и повалит дым.

Сколько Тонкий себя помнил, шашка лежала у тети за стеклом на книжной полке. Пока на нее не положила глаз Ленка.

Тонкий лишь догадывался, зачем сестре шашка, и догадки эти были мрачные. Судя по всему, здесь пахло мстью десятикласснику Кольке, без которого Ленка дня не могла прожить еще зимой. Потом они смертельно поссорились. Колька отобрал у Ленки подаренный плеер, Ленка из вредности требовала назад какой-то давно потерянный значок и доводила по телефону новую Колькину подружку. В разгар ссоры она стала выпрашивать у тети Музы ее памятную шашку. «Закончишь год без троек, тогда подарю», – легкомысленно пообещала тетя, уверенная, что этого не будет никогда. Ленка – та еще лентяйка. До сих пор может написать «солнц» вместо «солнце», да еще и объяснить учительнице, что буква «ц» произносится как «це», стало быть, писать лишнее «е» необязательно.

Но когда женщина любит или мстит, она может свернуть горы. Пускай даже этой женщине еще нет четырнадцати лет (Джульетте, кстати, тоже не было). Короче, Ленка исправила пять верных трюнделей и получила-таки шашку. После этого она задумалась, стоит ли ей изводить так тяжело доставшийся боеприпас на презренного Кольку. Тонкого сестра не посвящала в свои планы. Но, судя по тому, с каким вниманием она стала смотреть передачи «Криминал» и «Петровка, 38», Ленка выбирала между срывом урока и ограблением банка. Шашку она взяла с собой на юг, не доверив такое сокровище деду с бабушкой.

Итак, тетя Муза, не повышая голоса, сказала:

– Лена, там ежики не твою ли шашку потащили?

В следующую секунду Тонкому показалось, что на их стоянку с ясного неба пикирует бомбардировщик с включенной сиреной. Он всегда знал, что по визгу сестре нет равных в школе, а то и в микрорайоне. Но тут Ленка превзошла себя. На первых же нотах Тонкий оглох, успев услышать, как задребезжало приоткрытое стекло в тетиним «жигуленке». Остальное он смотрел без звука.

Ленка лежа подпрыгнула над землей и поползла в сторону предполагаемого бегства похитителей. И все это – внутри спального мешка. Без рук и без ног. Кажется, она подтягивалась зубами. Не увидев поблизости ни ежей, ни шашки, она ринулась к палатке. По пути спальник с нее слез, как сброшенная змеиная шкурка, но Ленка этого даже не заметила. Продолжая двигаться ползком, она скрылась в палатке, и оттуда раздался визг погромче прежнего. Тонкий расслышал его даже с заложенными ушами. То был визг торжества, которым,

наверное, пещерные женщины встречали первого суслика, добытого после месяца голодовки.

С драгоценной шашкой в руке Ленка появилась из палатки и села на траву. Вид у нее был одновременно счастливый и обиженный.

– Умоешься сама, вон канистра, – отчеканила тетя Муза, – кто не успел, тот опоздал. Давай в темпе, сейчас поедем в город.

Ленка на четвереньках доползла до машины, опрокинула канистру и умылась тем, что не успело впитаться в сухую крымскую землю.

– Все равно в город едем, – ответила она на молчаливый тетин упрек, – вот и водички захватим заодно.

«Иногда сестренка умеет отомстить за себя», – с завистью думал Тонкий, протирая слипающиеся глаза.

К костру подскочил верный крыс в жокейской кепке и начал требовать свою долю завтрака. Тонкий налил ему супу в крышку от канистры. «Вот возьму его с собой, – думал Тонкий, – напугаю Зою Карапе... Копера... Тьфу, блин, кого же я напугаю? Всю деревню. Чтобы отказались от моей помощи. Пускай тетя сама по деревьям лазает!» Тут он вспомнил, что собирался еще прополоть огород, чтобы арендовать подпол. А улика-то потеряна! В подпол нечего прятать. А огород прополоть все равно надо. Обещал же... Откуда столько бед на шею начинающего оперативника?!

Росинант встретил его еще в подсолнухах, когда Тонкий, ни о чем не подозревая, брел на каторгу, разгребая руками зонтики-переростки. Козел подкрался сзади и больно пнул Сашку под коленки.

– Доброе утро, – ответил ему Тонкий, поднимаясь и отряхиваясь. – Будешь драться, рога пообломаю, козел!

Росинант, не ожидавший такого оскорбления, присел на хвост, вопросительно мекнул, развернулся и поскакал прочь, от греха подальше. Понял, кто здесь человек, а кто так, истребитель огородов.

На каторге наблюдалось оживление. Тонкий вошел за ограду молча (забыл, как зовут бабульку) и услышал, что в саду смеются и звенят стаканами. «Должно быть, внук все-таки приехал», – догадался он и не ошибся. В тени алычовых деревьев обнаружился пластмассовый столик, а за столиком... интересно: кто из них – внук? Или, может, оба? Должно же хоть что-то связывать глуповатого бесшабашного Ежика и угрюмого мастера спорта Игоря? Ну да, они и сидели за столиком. Бабулька бегала вокруг, ополаскивая в ведре и нарезая огурцы-помидоры. Тонкий споткнулся о корень, чертыхнулся и обратил на себя внимание всех троих. Бабулька застыла с ножом, внучки – со стаканами. Потом у всех синхронно вырвался вздох и удивленное:

– Саша!

– Это мой помощник, да? – неуверенно сказала бабулька после паузы. – Вчера алычу собирал.

Ежик хохотнул:

– Ошибаешься, ба, это наш утопленник. Он вчера Игорька спасал, в шторм!

Бабулька всплеснула руками:

– Куда же вы его с собой потащили, да?!

Спасенный Игорек тронул бабульку за рукав, и она молча побрела в дом, не переставая качать головой.

– Присядь с нами, Сань, – пригласил Ежик. – Позавтракаем и огород полоть пойдем. Тебе ведь место в подполе надо? – Он испытующе посмотрел на Тонкого, как будто от того, нужно ли ему это место, зависели жизнь и здоровье бабульки и его самого.

– Да не надо уже, – ответил Тонкий, – но неудобно, я ведь обещал.

– Тогда собирай алычу, – удовлетворенно сказал Игорь, – а огородом мы займемся. – Помолчал и добавил, глядя на Ежика: – На то мы и внуки.

Тонкий облегченно вздохнул: все-таки алычу собирать – не огород полоть, это еще можно вынести. Он взял со стола огурец и, хрупая, стал оглядываться, с какого бы дерева начать. Это уж слишком заросшее – до ночи не управишься, это он ободрал вчера, а вон то, с висящим на ветке куском рыболовной сети...

– Гамак, – перехватив его взгляд, объяснил Игорь, – собирались вечером повесить, чтобы бабуля отдыхала.

Тонкий пригляделся и вяло кивнул: правда, гамак – поплавков не видно.

– А мне баба Зоя про вас рассказывала, – сказал он, чтобы поддержать разговор.

– Кто?

– Что? – хором спросили Игорь и Ежик. Они так посмотрели, как будто бабуля все прошлое лето собирала на них компромат, а вчера выложила все Тонкому.

– Говорила, что внуки у нее по границам, помочь некому.

– А, – хохотнул Ежик, – точно! Я за границей последний раз был лет десять назад. В Москве. – И заржал.

Тонкий подумал, что не такой уж он молодой, – это вчера в темноте казалось, что ему лет семнадцать. Теперь же, при дневном освещении, невыспавшийся Ежик тянул на все двадцать пять, а то и больше. «Такой взрослый и такой глупый», – вспомнил Тонкий вчерашние Ежиковы проделки.

Кто-то больно пнул Сашку ногой под столом, и его мысли обрели другой оборот: «Не только глупый, да еще и нервный. Вон как брыкается».

Игорь вскочил:

– Хватит расслаиваться, работа не ждет! – И потащил Ежика на грядки. Гамак он забрал («Починить надо»).

Тонкий вскарабкался на алычу: работать так работать.

Спать хотелось ужасно. Он срывал с ветки алычину и засыпал, клал ее в ведро и засыпал. Иногда промахивался, роняя ягоды на землю. Пасшийся неподалеку Росинант это увидел и подбежал к дереву, подбирать упавшие ягоды. Когда ягоды кончались, козел нетерпеливо пинал ствол рогами, тогда на него с дерева падал еще десяток крупных алычин и через раз – Тонкий. Было невысоко, но на пятом падении Тонкий научился цепляться коленками так, чтобы ни один козел его не сбил.

– Фиг тебе, – сказал он козлу, когда удержался после очередного толчка.

Толстого он, как собирался, взял с собой. Верный крыс до поры смирно сидел у него в кармане, но, почуяв ягоды, выбрался и пристроился на веточке рядом с хозяином. Он отщипнул себе алычину и стал громко чавкать. Козел, увидав на дереве незнакомого зверя, пришел в бешенство. Он и раньше-то не отличался лояльностью, а тут вообще сошел с ума: стал долбить рогами ствол, как будто собирался работать на лесоповале и сейчас репетировал. Тонкий хотел придержать крысу за хвост, но опоздал. Толстый кубарем слетел с ветки и приземлился прямо перед козлиной мордой. Тонкий подумал, что надо бы слезть помочь, но потом решил: чем тут поможешь?! Жалко козлика.

Видели когда-нибудь рассерженную крысу? Она похожа на зубастика из фильма: такой же клубок шерсти с горящими глазами и большими резцами, выставленными на показ. Только крыса еще шипит. Секунду козел тупо разглядывал Толстого, потом повернулся и дал стрекача. Верный крыс погнался за ним. «Побегаёт и вернется, – меланхолично подумал Тонкий. – Росинант сам виноват».

Самое трудное было – менять наполненное ведро на пустое. Ведро надо снять с ветки, спуститься вниз, да так, чтобы не просыпать сливы. Потом, громя пустым ведром, –

опять забраться... Тонкий совсем измучился. А эти двое – Ежик с Игорем – бодренько пере-кликались на грядках, как будто сами ночью не тонули. С земли Тонкому было видно обоих, с дерева – только блестящую лысину Игоря. Ежик швырял в приятеля морковкой, Игорь ловил ее на лету и, ворча, запихивал в ведро. Должно быть, и вправду братья. Чужие люди с такими разными характерами уже давно бы переругались и разъехались по разным городам. Ну да, Игорь говорил, что они внуки. Оба. Значит, братья. Хотя бы двоюродные.

Перед тем как опять влезть на дерево, Тонкий окинул взглядом окрестности. Чего-то не хватает!.. Игорь, Ежик, Росинант носятся вокруг дома от маленького серого пятнышка – Толстого... «Шестерка»! Ее не хватает для завершения пейзажа. Вчера этот ненормальный Ежик и двухсот метров не смог пройти без машины. Неужто в деревню пешком пошел? Быть не может! Местность за домом оставалась неисследованной. Должно быть, там и стоит машина. И вообще, какая разница. Ежикова «шестерка», пусть что хочет, то с ней и делает.

Сам не помня как, Тонкий обобрал дерево еще до обеда. Счастливый, он сполз с ветки и потащил ведра в дом.

– Уже управился? – вышла навстречу бабулька. – Ну, иди домой, Саша-джан. Сама отнесу, да? Возьми себе какое хочешь и иди. Устал, да?

Тонкий кивнул: еще как устал. Спорить не хотелось. Ну, хочется старушке самой погорбатиться, потаскать тяжелые ведра. Он не имеет права спорить со старшими. Бабулька уковыляла в дом, и Тонкий засобирился. Под ноги метнулся верный крыс, забрался по штанине на плечо и начал чем-то чавкать. Тонкий глянул... кошмар! В зубах у Толстого болталась длинная коричневая кишка! Свеженькая...

– Росинант! – рывкнул Тонкий так, что пошатнулись деревья в саду. – Росинант!!

Козел прибежал, веселый и непокусанный. Тонкий ощупал его живот – все на месте. Он повертел кишку в руках, тряхнул за шкурку верного крыса:

– Колись, Толстый, кого потрошил?!

Крыс, конечно, не ответил. Кишка была длинная, тоненькая – что-то мелковата для козла. И воняла рыбой! Тонкий это заметил и успокоился:

– В доме свистнул?

Верный крыс пристыженно опустил усы.

– Ладно, прощен. Только не пугай меня так больше.

Ленка с тетей Музой еще не вернулись. На палатку они бросили десяток веточек для маскировки и оставили записку незваным гостям:

«ПРЕСТУПНОМУ ЭЛЕМЕНТУ

Для экономии времени, которое Вы могли бы потратить на бесплодные поиски, сообщаем, что ценные вещи уехали вместе с нами в багажнике. Спиртного мы не держим. Если Вас заинтересуют наши носки и купальники, рискните. Это будет интересно. Гарантирую все прелести экстремального отдыха: бег по пересеченной местности, борьбу без правил и забываемый вкус тюремной баланды.

Без уважения

*старший оперуполномоченный по уголовному розыску
капитан милиции Муза Уткина».*

Тонкий подумал, что раз без уважения, то не надо было называть преступников на «вы», да еще с большой буквы. А так вообще правильная записка. Веселая и внушительная.

Он спрятал записку в карман, чтобы тете Музе потом не писать еще раз, и полез в палатку отсыпаться. Глаза слипались, хоть спички между веками вставляй. Не раздеваясь, Тонкий плюхнулся на пружинящий надувной матрас...

Хруп!..

– Толстый! Убью! – Верный крыс опять натаскал в постель улиток. Самому, что ли, влом разгрызть? Наверное, трудно ему, слишком твердые раковины...

Толстый подскочил к хозяину и стал деловито перетаскивать расколотых улиток в ноги. Научить его, что ли, пользоваться щипцами для орехов?

Только Тонкий успокоился и закрыл глаза, как услышал над ухом громкое посапывание.

– Толстый! Отвали! Всех уже забрал!

Но это был не Толстый. Кто сказал, что ежики – ночные животные? Ежики не только ночные, но и дневные, а могут быть и утренние, если есть где стырить немного еды. Сейчас они подбирались к ведру с алычой. Много ежей! Вчерашняя ежиха с выводком, два длинных ежа, два толстых ежа... Что же, Тонкому из-за них возвращаться в деревню и лезть на дерево?! Ну уж фиг! Чертыхаясь, Тонкий высунулся из палатки, втащил к себе ведро и лег с ним в обнимку. Пусть только попробуют подойти!

– Толстый, – позвал он. – Толстый, охраняй вход! Чтобы ни один ежик сюда не вошел! Слышишь?

Но верный крыс не слышал, он был занят улитками.

– Никому нельзя доверять, – проворчал Тонкий, засыпая.

Глава VI

Кого загрыз Толстый?

Крыса – это вам не хомячок, она ест не только травку и семечки. Крысы хоть и грызуны, но знают толк и в рыбе, и в птице, и в мясе. Лучше всего, конечно, падаль, но Толстому ее ни разу не перепадало. Так уж устроен мир: если ты живешь с людьми, а не на помойке, то будь добр, лопай только свежее. Однажды на прогулке Толстый рискнул попробовать дохлого голубя. Что тут было! Голубя хозяин отобрал, Толстого отругал, повез к врачу, подставил собственного крыса под укол... Отсталые существа – люди. Ничего не понимают в падали.

Здесь, в Крыму, Толстому однажды повезло, он нашел целую большую дохлую рыбу. Но та при жизни болела. Толстый не знает, чем, он не врач. Но может отличить по запаху больных животных, которых можно есть, от больных животных, которых есть ни в коем случае нельзя.

Сегодняшняя рыба была свежей. Толстому ее не предлагали, он сам взял. Его предки, дикие крысы, жили не дома в клетках, а где придется: в подвалах, на складах, на улице. Их там никто не кормил, они добывали себе еду сами – лазили по помойкам, тырили помидоры с продовольственных складов. Домашний Толстый унаследовал эту страсть к мелким кражам. Сегодня он спер кусочек рыбы из большого холодильника. Холодильник был неприлично большой. Туда бы поместилась вся хозяйская семья, и осталось бы место для пары сотен крыс. Рыба тоже была большая, поэтому угрызений совести Толстый не испытывал. Подумаешь, отгрыз кусочек требухи, никто и не заметит.

Глава VII

Разговорчивая уборщица

Есть люди, которые по восемь часов в сутки стоят у станка, проклиная свою работу и весь мир. Они мечтают только об одном: поскорее вернуться домой, врубить телеящик и отдыхать, отдыхать... А есть люди, которые любят свою работу, и на отдыхе чувствуют себя неважно, как бойцовая собака на диване. Тетя Муза именно такая. В Крыму ей неуютно. Хочется бегать по крышам, кричать: «Стой! Стрелять буду!», защелкивать наручники на татуированных лапах уголовников – словом, вести нормальную, в ее понимании, жизнь.

Ленка считала, что именно поэтому тетя отрывается на племянниках: будит ни свет ни заря ее, несчастную, заставляет разводить костры... Должно быть, трудно оперу без работы. А еще труднее его родным, потому что опер без дела сразу звереет. Но тетя все-таки родных племянников слишком сильно тиранить не будет.

Когда покупки были сделаны, она сразу предложила Ленке куда-нибудь сходить: в кино или в ресторан. Ясно, ей стало стыдно за утреннюю побудку, но извиниться не позволяет гордость. В кино Ленка идти отказалась («Потерплю до Москвы, там видяшник есть»). Тогда, измотанная беготней по магазинам и проблемой выбора, тетя потащила племянницу в ближайшее увеселительное заведение – китайский ресторанчик на окраине Керчи. Нить Ленка не рискнула, пошла как миленькая куда повели.

Столы в ресторане были странные: половина железная, половина деревянная. Посетителей усаживали за деревянную половину. Подскочил почему-то не официант, а повар, принес меню. У Ленки с тетей синхронно полезли на лоб глаза:

«Хайджэ – салат из медуз

Фынтияолянцай – салат овощной с фынтиязой

Суньхуадань – утиные яйца

Чан хуангау – кисло-сладкие огурцы

Интаожу – вишневое мясо

Лян бан фуджу – салат из соевого бамбука

Маладуфа—острый соевый творог

Spicy soy-bean curds».

Ленке сразу захотелось спрятаться под стол, как в детстве от бабушки с ее манной кашей.

– Мы будем *это* есть? – шепотом спросила она.

– Все в жизни надо попробовать, – философски заметила тетя Муза. – И вообще, китайской кухне четыре тысячи лет. Неужели ты думаешь, что за это время они не научились кормить людей и не травить?!

Аргумент был железный. Ленка зажмурилась и ткнула пальцем в меню. Китаец закивал, цапнул у нее книжечку и усеменил прочь.

– А почему он одет как повар?

– Потому что он и есть повар, – ответила тетя с видом знатока. – Он принесет ингредиенты и будет готовить здесь при нас. – Она кивнула на железную половинку стола: – Это плита. Осторожнее, не обожгись. А официантка вон идет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.